

ЛИЧНОСТЬ ЧЕХОВА.

В очередной книжке „Завтра“, которая выйдет из редакционной подпольи, будет напечатана статья „Путинский созерцатель“, посвященная Чехову. В статье этой автор ставит перед собой чрезвычайно широкую задачу — выявить ряды личности Чехова. Задача эта усложняется тем, более, что из воспоминаний о Чехове „парсональ какой-то иконописный лист, общее идеальное лицо, а потому то не живое“.

Причина отсутствия в воспоминаниях о Чехове „плоти и крови человеческой“ кроется в том, что он был крайне скупой и одинокий человек. Его отношения к окружающим были проникнуты тем, что называется „сверху вниз“. Он был всегда на известном расстоянии от людей. Будучи со всеми одинаково прост, добр, любезен, чутко реагируя на боль и невзгоды своих приятелей и даже просто знакомых, он все же был органически одинок.

В безраздельной сфере души Чехова было заложено глубокое чувство личности, законченной индивидуальности. Оно сказывалось в его необычайно ранней самостоятельности, в редкой, поразительной красоте, свидетельствующей о коренной свободе его духа. С годами это чувство уверенной индивидуальности все более усиливалось, и, осознанное, осложненное упорной работой мысли, уже окончательно определило характер его отношения к людям, а также характер его творчества.

Чехов как будто никогда не знал настоящей юности, „романтических“ грёз и восторгов. Он никуда и ничем не увлекался до самозабвения, не благоговел перед „великими мира сего“. Он был не столько участником, сколько созерцателем жизни. В этом отношении характерен его юмор. Как юморист, он очень скрытен, всегда что-то знает про себя, о чем никому не скажет. Его отношения к людям проникнуты мягким отблеском доброй умильнички надъ приваши и ласкатыми, надъ большими и малыми, мудрыми и паничными.

В жизни Чехов всегда относительно несвободен. Громко смел и смел (хотя бы своим слогом), когда кругом унывала в молчаливой тоске, но недавно разбитым идеалам. Наоборот, в конце его жизни, когда начала расти общественная бедность, в его настроении появились нотки отчаяния и бешеной тоски. Его объединяется тем, что, будучи глубоко индивидуальным, он всегда шел враз с общественной жизнью.

Такая же обособленность и одиночество чувствуется и в отношении Чехова к творчеству.

— Писать надо садиться тогда, когда чувствуешь себя холодным, как лед, — говорил он.

— Если отрицать в творчестве намерение, — пишет он, — то нужно признать, что художник творит без умысла, под влиянием аффекта. Если бы какой-нибудь автор похвалился, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, я назвал бы его сумасшедшим.

И, действительно, Чехов сам творил и постоянно советовал молодым писателям творить безаффектно. Его творческий процесс был близок к творчеству безличной неуловимой стихии, мимолетной жизни.

Свое равнодушие и холодность, впрочем, их роковым последствием, Чехов начал ощущать уже в 80-х годах. Он жаловался на индифферентизм, на равнодушие, на отсутствие „алкоголи жизни“.

Некоторое время Чехов посылал с мыслью написать большой роман. „В основу своего романа, — сообщал он Плещеву, — кладу и жизнь хороших людей, их лица, дела, слова, мысли и надежды. Цель моя — убить сразу двух зайцев, правдиво нарисовать жизнь и, кстати, показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы“. Но скоро Чехов перестал говорить о романе. Он убавился, что роман не его сфера. Теоретически он прекрасно знал, что роман требует особого мироощущения, умения понимать и чувствовать не только каждое слово, но и смысл между ними. Практически, как анализировать, он умел постигать жизнь только в разрыве, только индивидуализировать ее, и потому роман ему не давался. В этом опять-таки оказалась его индивидуальность и обособленность.

Назвем часть частных идей, которыми овладевали путь русской интеллигенции, была одна, которая влечет к другу друга была была прелесть внимания Чехова: это — культ народной стихии, почвы. Но и здесь Чехов идет упорно одним путем. Он инстинктивно твердит: мужик груб, пьян и по у него складывается ученье, а наоборот. Здесь он опять в своей сфере индивидуальности, своего одиночества. И где, им у кого Чехов не искал „общей идеи“, но угадал бы „Вот живого человека“. Но по части частного, индивидуального, но в единичном, в человеческом, а не в целом, приобщен к человечеству, Чехов был восторжен.

совершенством. безпрестанно опущающим свою законченность, ни с ким и ни с чем не умевшим слиться воедино. Он развивал все наши частные идеи и наши временные ценности, и причина это-

го — бегство от самих себя, от стремления к пределу своей законченности, обрести настоящую объединяющую синтетическую идею.

— (—) —